

ся этот другой мир — волен решить каждый: возможно, уже не в этой жизни. А может, это все же настоящая Аргентина, куда отплыли жители серой северной страны.

«Tango del Norte» требует от зрителя творческого усилия. Сложно однозначно определить все повествовательные связи при первом просмотре. Но спектакль нравится и тем, кто ленится ловить ассоциации: насладиться им возможно, даже если просто отдаться течению бессознательных переживаний и эмоций. Главная же интрига состоит в том, чтобы в кажущейся бессюжетности этот сюжет отыскать.

Интересные драматические образы, техничность хореографических партий, лаковые музыкальные обстоятельства, превосходная физическая подготовка актеров позволяют спектаклю ощущаться целостным и насыщенным, в совокупности подкрепляя

идею режиссера, смелого экспериментатора. Предполагаем, она в следующем.

Танго — это когда задана самая близкая (и технически очень сложная) человеческая позиция. Это самые головокружительные отношения, которые помогут продлить себя в другом или (ведь можно же танцевать танго в одиночку?) — открыться самому себе новыми глубинами. Прямо по Борхесу: «В одном из диалогов Оскара Уайльда говорится, что музыка дарит нам наше собственное прошлое, о котором мы до этой минуты не подозревали, заставляя сожалеть об утраках, которых не было, и проступках, в которых не повинны. Может быть, в этом и состоит предназначение танго...».

Счастье тому, кто смог уловить музыку — такую, как танго.

Виктория ЛУРИДОВА

СОДРУЖЕСТВО

ЕСТЬ ГРАНЬ, ЗА КОТОРОЙ ЖЕЛЕЗО УЖЕ НЕ РАНИТ

В Новом драматическом театре Минска состоялась премьера спектакля «Три сестры» (фантазия на тему «Зачем мы живем?..») — вторая часть оригинального эксперимента театра по знаковым произведениям русской драматургии: трилогии о безумной жажде и вечном поиске человеком Любви и Свободы, как главном смысле жизни.

Первой частью ранее стала фантазия «Если бы знать...» по «Грозе» А.Н. Островского. Третьей же «главой» режиссер трилогии и художественный руководитель театра **Сергей Куликовский** анонсирует «Фабричную девчонку» А. Володина.

«Бесфабульный» шедевр **А.П. Чехова** не взять блестящим исполнением ролей отдельных персонажей, не взять гениальной формой и трижды гениально вскрытыми новыми пластами философских смыслов. «Три сестры» могут состояться только при условии филигранно выстроенного общего тона действия и идеального актерского ансамбля. «Ансамбль» С. Куликовского, возможно, обескуражит кого-то музыкальной «шарманкой» из «Тихо в лесу», «Дуная голубого» и «Желтого ангела» Вертинского или довольно долгим, ленивым и несколько нарочитым «запряганием» в первом (как раз у Чехова — самом «бодром») действии. Может он обескура-

Сцена из спектакля

жить и ярко выраженной, подчеркнутой режиссером отчаянной слабостью персонажей-мужчин: не блестящих военных, но обаятельных неприкаянных «говорун» (образы Вершинина **Алексея Верецако** и Соленого **Артема Пинчука**); «перемолотых» в жерновах темпераментных «фурий»-жен трогательных и одновременно удручающе наивных семьянинов (Кульгин **Валерия Глазкова** и Андрей **Вадима Гайдуковского**); совершенно обессиленных внутренними комплексами, неуверенно «бубнящих» о своей большой любви «милых тетех» (Тузенбах **Павла Чернова**, Чебутыкин **Валерия Агаяна**)...

Но отдадим должное: ансамбль состоялся; тон спектакля звучал уверенно, не фальшивил и не «синкопил». Мало того, ансамбль этот исполнил не сакраментальную «балладу» про несопротивление условной клетке «птиц бледных с глазами окаянными» и экспансии низости и пошлости (Наташу в исполнении актрисы-дебютантки **Екатерины Королевой** и вовсе можно попробовать оправдать, видя в ее метаниях по дому Прозоровых, указаниях и нравоучениях не столько угрозу, сколько банальный невроз темпераментной женщины при «никаком» мужчине). Три сестры (Ольга — **Александра Некрыш**, Маша — **Екате-**

рина Ермолович, Ирина — **Надежда Андипович**) по ходу действия не слабеют, не «развинчиваются», не смиряются с условным «пожаром» внутри и вокруг себя, а наоборот — накапливают внутренний конфликт и степень неприятия происходящего такой силы, что не остается сомнений: финальный монолог (уже даже не Ольги, а сакрального триединства сестер) среди условных надгробий, в которые к концу спектакля превращаются повсеместно расставленные на сцене стальные (не разбитые!) корыта (художник-постановщик — **Светлана Макаренко**) про «страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас» — это не последний выдох затюканной интеллигенции, но итог свершившегося Жертвоприношения. И (главное!) оно было свершено не зря!..

... «Есть грань, за которой железо уже не ранит», — пел классик русского рока Борис Гребенщиков. Вот, что крутилось в голове после спектакля С. Куликовского, подобно «шарманке» событий «Трех сестер» или использованных там песен-рефренов. Эти «Три сестры» прошли грань. Грань великомученичества, за болью и мытарствами которого непременно будет Искупление и Свет.

Анна ХОРОШКО